

това, кн. Васильчиковъ замѣчаетъ, что въ немъ было какъ бы два человѣка: „одинъ добродушный для небольшого кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ“ — „Кромѣ того“ — прибавляетъ кн. Васильчиковъ, — „въ Лермонтовѣ была черта, которая трудно соглашается съ понятіемъ о гигантѣ поэзіи, какъ его называютъ восторженные его поклонники, о глубокомысленномъ и гениальномъ поэтѣ, какимъ онъ дѣйствительно проявился въ краткой и бурной своей жизни. Онъ былъ шалунъ въ полномъ ребяческомъ смыслѣ слова, и день его раздѣлялся на двѣ половины между серьезными занятіями и чтеніями и такими шалостями, какія могутъ придти въ голову развѣ только пятнадцатилѣтнему школьному мальчику“.

Между молодежью, среди которой вращался Лермонтовъ, былъ, какъ уже сказано, и Мартыновъ. „Это былъ“ — характеризуетъ его одинъ изъ современниковъ — „очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, блондинъ, со вздернутымъ немножко носомъ и высокаго роста. Онъ былъ всегда очень любезенъ, порядочно пѣлъ подъ фортепіано романсы и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ и орденахъ, и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказъ до генеральскаго чина. Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841 году я увидѣлъ его въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Въмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего майоромъ, не имѣлъ никакого ордена, и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отразилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, въ нахлобученной бѣлой папахѣ, мрачный и молчаливый“. Къ этой характеристикѣ Висковатый прибавляетъ слѣдующее: „Мартыновъ въ общемъ носилъ форму Гребенскаго казачьяго подка, но какъ находившійся въ отставкѣ, дѣлалъ разныя вольныя къ ней добавленія, мѣняя цвѣта и прилаживая ихъ согласно погодѣ, случаю или своему вкусу. По большей части онъ носилъ бѣлую черкеску и черный бархатный или шелковый бешметъ, или

наоборотъ: черную черкеску и бѣлый бешметъ. Въ послѣднемъ случаѣ—это бывало въ дождливую погоду—онъ надѣвалъ черную папаху вмѣсто бѣлой, въ которой являлся на гуляньѣ. Рукава черкески онъ обыкновенно застывалъ, что придавало всей его фигурѣ смѣлый и вызывающій видъ. Онъ былъ фатоватъ и, сознавая свою красоту, высокій ростъ и прекрасное сложеніе, любилъ щеголять передъ нѣжнымъ поломъ и производить эффектъ своимъ появленіемъ. Охотно напускалъ онъ также на себя мрачный видъ, щеголя моднымъ байронизмомъ. Не удивительно, что Лермонтовъ, не выносившій фальши и заносчивости, при всемъ дружелюбномъ расположеніи къ Мартынову, несчастно преслѣдовалъ его своими насмѣшками“ (VI, 402).

Въ душѣ Лермонтовъ не былъ золъ: онъ любилъ сказать острѣе слово, любилъ пошалить; но если замѣчалъ, что предметъ его нападокъ оскорблялся, онъ первый спѣшилъ изгладить дурное впечатлѣніе и успокоить обиженнаго. Его насмѣшки надъ Мартыновымъ заключались въ такого рода шуткахъ. Онъ, напримѣръ, нарисовалъ сцену, изображавшую въѣздъ Мартынова въ Пятигорскъ: Мартыновъ на конѣ, съ длиннымъ кинжаломъ, а кругомъ дамы, восхищенные его красотой. Внизу подписи: „Monsieur le poignard son entrée à Piatigorsk“ Другая картина: Мартыновъ, огромнаго роста, съ громаднымъ кинжаломъ отъ пояса до земли, объясняется съ миниатюрной дамой, на поясѣ которой крошечный кинжалчикъ. Въ дамѣ всѣ могли узнать интересовавшую Мартынова особу.—Плохая верховая ѣзда Мартынова, который однако воображалъ себя лихимъ всадникомъ, также подавала поводъ къ карикатурамъ Лермонтова. Одна изъ нихъ была такая: Мартыновъ, въ стычкѣ съ горцами, что-то кричитъ, махая кинжаломъ и сидя въ полуоборотъ на лошади, поворачивающей вспять. Значеніе карикатуры Лермонтовъ пояснялъ такъ: „Мартыновъ положительно храбрецъ, но только плохой ѣздокъ, и лошадь его боится выстрѣловъ. Онъ не виноватъ, что она ихъ не выноситъ—и скачетъ отъ нихъ“. „Tagnard au grand poignard“ или „le sauvage au grand poignard“ были обыкновенныя названія, которыми величалъ Лермонтовъ Мартынова.

Самолюбивый Мартыновъ не любилъ